«Коля столько делал хорошего, доброго людям, что казалось больше уже и сделать невозможно. Всегда стремился прибавить людям хоть чуточку счастья, доставить радость. Чуткость и деликатность свойственны были Коле с детских лет. Меня поражали его отношения с людьми, которые часто стремились чем-нибудь досадить, уколоть его, но он старался понять, простить их несдержанность, злобность, объясняя подобные явления характера плохим воспитанием, бедами в детском возрасте, окружавшими его людьми и даже природой. Природу Коля ставил чуть ли не на первое место в воспитании характера, души человека. Все его творчество связано с природой, с этим домом, родным домом, так бездушно разрушаемым.

Не берег себя, работал на износ, говорил: «Поэту беречь себя противопоказано». Сгорел от этих дум, от желания сказать еще не сказанное, заветное. Никаких скидок себе не делал. При этом не потерял лучших свойств человеческой души: справедливость, доброты, сострадания. Всегда готовый прийти на помощь другу и даже недругу. Всегда умеющий держать себя в руках – всегда был в высшей степени благороден. И, видимо, чистота его души так привлекала к нему, что поневоле заставляла уважать его даже недругов. Все эти благородные качества хороши, хороша и выдержка, но что стоит самому человеку, как изматывают его организм, его душу. Нередко приходил домой после бурных собраний с шумными и часто с неприкрытой завистью упреками в свой адрес – мол, мало о других думает, не помогает печататься в столичной прессе. Видит бог, старался, помогал, но плохо есть плохо. Тянул даже почти безнадежных, если видел у них хоть строчку или две с искоркой.

Иногда дело доходило до абсурда. «Писатель» издавший первую книгу стихов с помощью Николая Ивановича (который практически доработал ее до приемлемого уровня) и возомнивший себя корифеем, решил тут же издать и вторую, мягко говоря, очень слабую. Николай Иванович прямо сказал об этом автору. Вот и пошла писать губерния. Он, автор, написал на Николая Ивановича 250 доносов, начиная от обкома, Союза писателей в Москву, в парторганизации и, наконец, в газету «Комсомольская правда»! Если после издания первой книжки стихов говорил, что развесит везде плакаты с дифирамбами в адрес Николая Ивановича, и поставит ему памятник при жизни, то после отказа издать вторую стал обвинять его во всех возможных грехах. Из «Комсомольской правды» прислали Семена Нариньяни (тогдашнего очень известного фельетониста) для проверки достоверности изложенного. После проверки в «Комсомольской правде» появился фельетон С. Нариньяни «Н.П. – 289» (по числу жалоб). Кляузник был разбит по всем выдвинутым им обвинениям.

Помню, Александр Трифонович (Твардовский) как-то у нас дома сказал Коле: «Что ты делаешь, зачем тянешь эту неблагодарную бездарь, ведь они от тебя будут скоро требовать столичного издания их собраний, а не сможешь дать – утопят тебя в дерьме, или навесят таких ярлыков, что и жить станет тошно». («Пути-дороги длиною в тридцать

восемь лет». Из неопубликованных записей Е.А. Рыленковой второй половины девяностых годов XX века.)

Евгения Антоновна Рыленкова – Евгения Цунская и Николай Рыленков соединили свои судьбы 1 октября 1931 года, будучи студентами, и прошли вместе путь в 38 лет. Оба неординарные личности. Ее жизнь тоже можно назвать с полным основанием служением литературе – она была не только женой, музой, первой слушательницей и первым критиком, но и литературным секретарем, хранителем архива, знала его жизнь и творчество так, «как можно знать себя» (говоря словами И. Эренбурга). Очень любила литературу, а ее знание поэзии серебряного века поразило К.Г. Паустовского.

После смерти папы продолжала работать с архивом, пополняла его, добилась издания тома «Стихотворения и поэмы» в большой серии «Библиотеки поэта», двухтомника стихов, собрания сочинений в трех томах и других книг, сборника воспоминаний, публикаций того, что не увидело свет при жизни автора. И сама писала воспоминания об А. Твардовском, Исаковском, Соколове-Микитове и, конечно, о папе. И даже о своей семье и себе, и очень интересные.

Она прекрасно знала, что происходило в союзе и ту атмосферу в нем, в которой ему приходилось работать. А было там много самого разного – и трудного, и забавного, и хорошего.

Папа руководил смоленским отделением Союза писателей около тридцати лет, если считать и предвоенные годы, когда сменил репрессированного председателя отделения М.С. Завьялова. Интересно, что раньше, еще будучи студентом II курса пединститута, руководил секцией крестьянских писателей Смоленска, был секретарем оргкомитета Союза советских писателей Западной области (председатель – Локтев).

На фронте папа командовал взводом в саперном батальоне, и я думаю, что несмотря на все ужасы начала войны, уровень взаимопонимания между молодым и неопытным командиром и солдатами (годившимися ему в отцы) был много выше чем в Союзе. Безусловно, это относится не ко всему писательскому сообществу, а лишь к определенной части.

Первые годы после освобождения города в почти полностью уничтоженном Смоленске были чрезвычайно тяжелыми во всех отношениях, работали на пределе сил. Не хватало всего, и в том числе кадров. Поэтому папа, назначенный главным редактором издательства, которое надо было создавать заново, совмещал с руководством Союза писателей и даже заведовал на общественных началах отделом культуры газеты «Рабочий путь». Были и другие обязанности и поручения.

Писать сам мог только ночами при свете коптилки, затем керосиновой лампы пока не появилось электричество.

Постепенно жизнь в городе налаживалась, и можно было больше уделять внимания работе в Союзе. Но так, как понимал свою работу с пишущими папа, требовало огромной затраты времени и сил, постоянного нервного напряжения, почти не оставляя времени на собственную творческую работу. А об отдыхе и говорить не приходится.

В 1958 году после I съезда писателей РСФСР папу избрали одним из секретарей. Он этого очень не хотел, всячески сопротивлялся, писал А.В. Македонову: «Без меня меня женили». И согласился только при условии, что будет работать на общественных началах. Но и при этом нагрузка все равно оставалась колоссальной. Лишь в середине шестидесятых готов, после неоднократных просьб об освобождении его от руководства смоленской организацией и при поддержке высоких чинов Союза писателей РСФСР,

его, наконец, отпустили (долго противился обком КПСС). К сожалению, это случилось уже в последние годы жизни папы.

Тем не менее на шестидесятые годы пришелся новый творческий взлет – он раздвинул границы своего творчества – стихи становились все более глубокими и философичными, создает прекрасные образцы лирической и автобиографической прозы, новеллы, пишет эссе «Коктебельская элегия», статьи и т.д. И все же надо сказать, он успел сделать много меньше, чем задумал и мог бы. И не только долго вынашиваемый (и начатый) роман о смутном времени, в котором он видел не просто историю, а корни многих последующих событий и в том числе своего времени. Его очень интересовала, и была близка по духу, деятельность Вячеслава Николаевича и Марии Клавдиевны Тенишевых, и он хотел, чтобы о них знали потомки. В разговорах с А.Г. Сергеевым говорил о необходимости создать этим людям двойной памятник за их вклад в сохранение русского народного искусства. Василий Андреевич Жуковский. Папа очень высоко ценил его не только за вклад в российскую поэзию, но не меньше чтил и как человека. Недаром его стихи о Жуковском, как писали его корреспонденты, заставили взглянуть на него по-иному. А хотелось бы ему рассказать о нём и прозой.

А еще тревожили ненаписанные стихи и многое другое.

Таким образом, почти вся творческая жизнь папы протекала параллельно с работой в смоленском отделении Союза писателей.

Совершенно естественно, что оно, так или иначе, объединяло всех пишущих, если они хотели всерьез стать писателями. В Союз мог прийти любой человек по творческим вопросам или обратиться письменно. Правда, многие бывали там и с иными вопросами. Работа была огромной и выполнялась одним человеком. Никаких литконсультантов, как в Москве или Ленинграде, центральных журналах. Но даже там ими были, как правило, начинающие писатели или малоизвестные, которые, скорее всего, не могли, либо не особенно старались помочь начинающим авторам, формально относились к своим обязанностям. О работе литконсультантов точно написано у Д. Гранина. Состоявшиеся писатели за такую работу брались чрезвычайно редко, считая ее малоэффективной, не дающей результатов. Но папа считал работу с начинающими своим внутренним долгом перед людьми, способствовавшими его приобщению к творчеству и неотъемлемой частью служения родной словесности. Я бы назвала то, как работал папа с желающими писать, открытым гуманитарным университетом. Такое понимание своего долга, такое безграничное служение людям – явление чрезвычайно редкое и дорогого стоит его носителям. Они, как правило, рано уходят из жизни, далеко не исчерпав возможностей своего собственного таланта. Конечно, обществу нужны такие люди — бессребренники, но всегда ли оценивают их гигантский труд по достоинству окружающие и особенно те, кто имел счастье быть с ними рядом и не сумел или не захотел воспользоваться уроками своего наставника. Знаток искусства, истории, философии. Он мог дать очень много тем, кто этого хотел. Безусловно, Смоленску и смолянам очень повезло, что во главе отделения Союза писателей стоял такой человек как Рыленков — не только широко образованный, но и кровно заинтересованный в поддержке талантов, не жалевший на это ни сил, ни времени, широкой и открытой души, терпения и безграничной доброты. И очень горько, что далеко не всегда встречал понимание со стороны пишущих, но такие были — например, Звездаева, Семенова, Пашков, Тазов, Алфимов и другие.

Стать писателем хотели многие, но мало кто понимал истинную цену этого труда. Многим он казался легким и простым. У папы есть такие строки: «Может быть, среди

ремесел трудных нет трудней, чем наше ремесло». Но в то же время для настоящих творцов – «Всех счастливей наше ремесло». Но для этого нужно очень многое. И прежде всего талант. Но и этого недостаточно для успешного творчества. Нужен упорный труд и вечное стремление учиться, совершенствовать мастерство, овладевать языком, вырабатывать свой стиль, иметь свой голос и открытую людям душу. Работая в Союзе писателей, папа считал своим долгом научить своих подопечных серьезно относиться к творчеству, показать как лучшие их стороны, так и недостатки. Очень заботился об их культурном уровне, расширении их кругозора, которые у некоторых были явно недостаточными. Создал в отделении прекрасную библиотеку. Работал с авторами каждый день, кроме воскресенья, а раз в неделю вечером проводился так называемый «литературный четверг» с обсуждением новых произведений и других вопросов. Но, к сожалению, духовное развитие мало занимало не скажу, что всех, но многих.

На литературные «четверги» приходили самые разные люди — от школьников и студентов до уже зрелых, имеющих разные профессии и проявляющие интерес к литературному творчеству. Так, например, Р. Ипатова, бывала на них еще школьницей, будущий член Союза писателей Брянска Станислав Сеньков — студентом мединститута и т. д. Далеко не все стали затем писателями по разным причинам — отсутствию таланта, трудолюбия, плохому знанию русского языка, низкому культурному уровню и прочее.

Сама писательская организация (по числу членов Союза писателей СССР) небольшая. Стать членом Союза было не так-то просто. Приемная комиссия работала в Москве, и не все рекомендованные становились его членами.

Некоторые четверги проходили бурно и подолгу. Но папа не допускал в организации склок и групповщины. Высокий авторитет помогал ему в этом. Зависть, не самая лучшая, но весьма распространенная черта характера части людей, порождала закулисные интриги и разговоры. Поэтому те, кто имел маленький талант, но большие амбиции, говорили о своем руководителе, что он «прижат книжным шкафом» за то, что часто интересовался, кто что читает, а ответить им было нечего. Поводом к одному из таких разговоров послужил приезд московского театра с постановкой пьесы Б. Шоу «Пигмалион». Я не знаю, были ли при этом Ю. Пашков и Е. Алфимов (думаю, что нет – они окончили московский университет), но никто из присутствующих ничего не мог сказать – кто такой был Пигмалион.

В.С. Баевский, попавший в Смоленск по сути случайно (возможно, что он выбрал город из-за близости к Москве), говорил, что для него он был городом, где жил Рыленков. Кстати, об этом говорили и многие другие, например, Л. Козырь, который выбрал Смоленск после демобилизации именно по этой причине. В шестидесятых годах Вадим Соломонович побывал на одном из литературных вечеров, организованных папой. Они еще не были лично знакомы, но он знал некоторых литераторов. И оказавшись в зале перед ними, был поражен, с какой неприкрытой неприязнью и даже ненавистью они просто шипели о председателе вечера.

Конечно, все, кто был принят в союз в те годы (и даже много позднее), прошли школу Рыленкова, но с разными результатами. Часть предпочитали упорному труду легкие пути, писать на «злобу дня», а не по зову души, не служение литературе и людям, а сиюминутный «успех».

Папа раздражал рвущихся к славе уже тем, что не был таким, как они, ни по своим человеческим качествам, ни по обширности и глубине знаний, ни по таланту. А главное, сохранял верность самому себе при любой погоде. Никогда не опускался до уровня сво-

их оппонентов, не отвечая на злобные выпады тем же. Но, безусловно, все это глубоко ранило и укорачивало жизнь.

Те же, кто действительно «прикипел» к творчеству и понял, насколько непрост и тернист путь писателя, но не отказался от него, очень много получили от своего наставника и не только в чисто профессиональном, но и человеческом отношении. Знали, что всегда могли рассчитывать на поддержку своего руководителя – учителя-друга. Об этом прекрасно написала В.А. Звездаева в книге «Николай Рыленков» (М.: Современник, 1987).

В феврале 2016 года, после вручения премии имени Н.И. Рыленкова московскому поэту, тогдашнему главному редактору журнала «Юность» Валерию Федоровичу Дудареву, мы поехали с ним и Владимиром Викторовичем Макаренковым на торжества в село Тюнино. Там в школе, носящей имя поэта, ежегодно отмечается его день рождения. Это был незабываемый праздник для всех.

Возвращаясь домой, говорили о разных литературных событиях, и Валерий Федорович неожиданно спросил, не знаю ли я случайно, кто ввел в литературу Евгения Евтушенко? Что имя Андрея Вознесенского тесно связывают с Борисом Пастернаком общеизвестно. А вот Евтушенко? Я действительно совершенно случайно, но точно знала – Марк Лисянский. Об этом довольно подробно мне рассказывала его дочь в Коктебеле. Но почему-то в Москве об этом не знали. Интересно, что литературное будущее самого Дударева, его самобытный талант угадали сразу три крупных поэта – Новелла Матвеева, Б. Ахмадулина, А. Вознесенский. Очень грустно, что жизнь Валерия Федоровича оборвалась так рано.

И я подумала – как много писателей вошли в литературу при непосредственном участии папы. И не только в Смоленске, а на просторах нашей страны. Об этом мало известно и можно судить лишь по многочисленным письмам, книгам с дарственными подписями, воспоминаниям. Сколько людей в Союзе называли его своим крестным отцом в поэзии, учителем и т.п. Это результат отношения к работе с начинающими авторами как своей миссии. А на это были способны лишь единицы.

Писательские судьбы и Н. Рыленков. Поэт Ю.В. Пашков

После окончания МГУ в 1953 году приехал в Смоленск. Работал в молодежной газете «Смена». Как и многие, писал стихи, но никому не показывал и не пробовал печатать, хотя посещал литературные «четверги». В какой-то момент ему захотелось узнать мнение Рыленкова о своих стихах, но так, чтобы он не знал, чьи они. Послал их под фамилией своего родственника, жившего где-то в районе. Решил, что таким образом он получит объективную оценку. Получив благожелательный ответ, обрадовался – можно попробовать опубликовать свою лирику. Тем более, что был благоприятный момент – Смоленское издательство собиралось выпустить сборник молодых авторов. Юрий Васильевич подготовил рукопись и отнес в редакцию. Стихи претендентов на публикацию отправили, видимо, на рецензию в Союз писателей, т.е. к папе. И он, обладая блестящей памятью, узнал среди стихов Пашкова стихи неизвестного ему автора из района и призвал к себе на беседу Юрия Васильевича. Поинтересовался, сам ли он пишет стихи. Пришлось Пашкову признаться, что хотел получить объективную оценку их и поэтому назвался фамилией родственника, что было совершенно напрасно. Как пояснил Рыленков, авторов из глубинки, где нет литературного окружения, он критиковал гораздо мягче, понимая

неравные возможности их в творчестве со смолянами. А Пашков, бывая на «четвергах», хорошо знал требования, предъявляемые к стихам, и заслуживал более жесткой критики, чем автор из глубинки. Игры с псевдонимами ни к чему. Одно из главных качеств для поэта – душевная открытость, искренность, без них нельзя создать ничего стоящего.

Это был один из многих уроков, полученных молодым поэтом. Папа очень серьезно относился к званию писателя, его глубоко возмущало, если человека, фактически ничего не сделавшего в литературе, опубликовавшего в газете 2-3 плохих стиха, уже называют высоким званием писателя. Поэтому, когда редакция «Смены» задумала провести в Смоленске совещание молодых писателей, папа резко отчитал Пашкова за такое «вспышкопускательство». И этот урок тоже был усвоен Юрием Васильевичем, как и любимое выражение папы – «Таланты вырастают в тиши».

Стихи Пашкова, отобранные им вместе с папой, вошли в два коллективных сборника: «Первые стихи» и «Ровесники». Папа откликнулся на выход их статьей в журнале «Знамя» о молодых смоленских авторах, где сказал доброе слово о стихотворении Пашкова «Ранний певец».

Весной 1958 года Смоленск был выбран для проведения республиканского семинара молодых поэтов. Число участников от городов было ограничено. Пашков в список участников не вошел и очень расстроился. Поскольку Смоленск был принимающим городом, и смолянам не требовались дополнительные средства на оплату гостиниц, то папа договорился с Москвой об увеличении числа участников-смолян. Разрешение было получено буквально почти накануне открытия семинара. Юрия Васильевича включили в список семинара, которым руководили Семен Трегуб, Сергей Баруздин и Михаил Шестериков. Понимая важность этого события в жизни Пашкова, папа отобрал из принесенных поэтом стихов примерно 15, которые считал лучшими и вполне достойными для обсуждения. И что интересно, Пашков вновь получил урок, решив добавить к отобранным еще несколько по собственному вкусу. Ему казалось, что так будет интереснее и разнообразнее. Но именно за них на семинаре его изрядно покритиковали. Но в общем оценили весьма благожелательно. А на последнем заседании С. Баруздин, подводя итог, сказал, что семинар рекомендует выпустить стихи Пашкова отдельным сборником. Что и произошло. И через год вышла книжечка «Земная радость», пусть и очень небольшая. Казалось, все шло благополучно. В 1962 году появилась вторая книга Пашкова «Семицветный мост». Ее подвергли разносной критике в статье «Когда бросаешь семена...». Пашков шел по пути лирического поэта, а в статье фактически отвергали стихи о родной природе и ратовали за стихи на «актуальные» темы. Это было по сути то же, в чем папу упрекали еще в молодости, да и почти всю жизнь.

Статья появилась перед отчетно-выборным собранием в отделении Союза, где с докладом выступал папа. И он в разделе о литературной критике специально остановился на статье «Когда бросаешь семена...», как образце вульгаризаторской, огульной критики и открыто защищал право поэта писать на волнующие его темы. Поэт должен передавать читателю живые чувства, красоту родных просторов, а не быть простым иллюстратором жизни, показывать вечное, а не преходящее, говорить о том, что волнует людей, пробуждает в них лучшие человеческие качества. Считая навязывание писателям узкоутилитарной тематики творчества принципиально неприемлемой для развития литературы, папа не остановился на выступлении только в Смоленске. В мае 1963 года в Москве состоялось Всесоюзное совещание молодых писателей. Смоленское отделение рекомендовало на него Пашкова. Основной доклад по поэзии делал папа. Этому

предшествовала громаднейшая работа по чтению и анализу присланных книг участников совещания. Его доклад, как он писал Македонову, многих удивил. Не вступая в полемику с ангажированными критиками, показал, как многогранна и интересна молодая поэзия страны, в чем ее достижения, над чем надо работать. Среди наиболее талантливых представителей на совещании назвал и имя Пашкова. И не только назвал, но и процитировал его стихи. Более того, в небольшой заметке, напечатанной в «Комсомольской правде» в день открытия совещания с добрым напутствием участникам его, Рыленков упомянул несколько сборников стихов, вышедших в разных областях и в том числе Пашкова, отметив, что они по уровню не уступают московским. Но, слава богу, Юрий Васильевич понимал, что ему дан аванс на будущее, что завышенную оценку предстоит оправдать. Кстати сказать, удивление некоторых писателей докладом было вызвано, как мне кажется, очень вдумчивым подходом Рыленкова к творчеству Андрея Вознесенского, стихи которого подвергались бесконечной критике с одной стороны и пользовались повышенным интересом молодежи с другой. Безусловно, Рыленков и Вознесенский совершенно разные поэты. Но Рыленков, благодаря своей широте взглядов на творчество, смог понять и принять поэзию Вознесенского, оценить его яркое дарование, выбор собственной дороги в поэзии. Шумиха же (в том числе огульная критика) вокруг его имени мешает ему сосредоточиться на главном. И даже по-своему объяснил усложненность его стихов: «Мне кажется, что усложненность Андрея Вознесенского направлена против примитивного представления о духовном мире человека, против обеднения этого мира. Всей своей образной системой Андрей Вознесенский стремится подчеркнуть, что человеку, создавшему космические снаряды, отправившему своих разведчиков на звездные пути, доступны самые сложные поэтические формы, понятны самые далекие ассоциации».

Папа рассказывал, что в перерыве между заседаниями он спросил у Вознесенского, каким ему показался доклад. Тот ответил: «Серьезным, глубоким, честным. Теперь мы, по крайней мере, понимаем, какие к нам имеются претензии». А затем прибавил: «Впрочем, от Вас другого и не ожидали».

И в судьбе следующей книги Пашкова то же самое активное участие принял папа. Юрий Васильевич подготовил рукопись книги и, поскольку собирался издать ее в Москве (в издательстве «Московский рабочий»), то понимал, что необходимо сделать тщательный отбор стихов, а кто это мог сделать лучше Рыленкова, обладавшего и отменным вкусом и чутьем на талантливое. Папа уже не возглавлял смоленское отделение и смог осуществить свою давнюю мечту – в теплое время года жить и работать в деревне, хотя ему приходилось часто уезжать оттуда по делам Союза писателей РСФСР. Был куплен дом в поселке Слобода на берегу озера Сапшо. Занятость его не уменьшилась и ему постоянно что-то подбрасывали, пользуясь его добросовестностью и обязательностью.

Юрий Васильевич позвонил папе и спросил, когда он будет в Смоленске – хотелось бы показать рукопись: «Зачем ждать? Приезжайте ко мне».

Так и сделали. Для папы 1966 год был тяжелым – после недолеченного воспаления легких осенью 1965 года начал тлеть процесс в них. А холодной весной 1966 года умерла Анна Ахматова. Папа ездил на похороны Анны Андреевны в качестве руководителя делегации писателей, выступал с прощальной речью.

Эта утрата стала его личным горем и огромной потерей для культуры страны. Судьба Ахматовой не отпускала его. Он пишет совершенно удивительные по глубине, точности и краткости стихотворение и статью, вошедшую в цикл «Вторая жизнь поэта». И хотя был

уже 1966 год, при публикации в него внесли казалось бы небольшое изменение, но существенно понизившее эмоциональный накал. В первоначальном виде оно опубликовано лишь в 2007 году в «Романе одной жизни» В. Баевского (в Санкт-Петербурге), т.е. через 41 год после написания:

И лесть и клевета –
Какие это крохи
В сравненье с бременем
Святого ремесла.
Для той, что на ветру
Трагической эпохи,
Честь наших русских муз
Так высоко несла.

1 июля 1966 года

Естественно, что при встрече с Юрием Васильевичем они много говорили об Анне Андреевне. Папа был глубоко убежден, что она была одним из лучших поэтов XX века (входила в первую пятерку).

А потом начал читать привезенную рукопись. Как всегда внимательно и строго, откладывая в одну сторону стихи, как он иногда говорил, «активно не понравившиеся», в другую те, что можно поместить в книге. Это был настоящий мини мастер-класс. Папа совершенно не терпел казенного, или, как он называл его, «суконного» языка в любых видах творчества, особенно в поэзии и всегда говорил о чустве языка авторам. Но делал замечания деликатно, оставляя за ними окончательное решение. Считая для книги, как единого целого, очень важным порядок расположения стихов в ней, он посоветовал Юрию Васильевичу уделить этому особое внимание. Каждое стихотворение должно найти свое место. Правда, это не всегда зависело от самого автора, т.к. редактор по тем или иным причинам мог переставлять стихи или удалять их заменяя другими, нарушая гармонию.

Однако надежды Пашкова на скорое издание рухнули. В проекте плана издательства сборника не оказалось. Папе как секретарю Союза писателей РСФСР издательства присылали свои планы, которые он всегда просматривал. Не обнаружив книги Пашкова, он позвонил в Москву директору издательства (в котором состоял еще и членом редакционного совета). Книгу включили в план и предложили написать к ней предисловие. Папа согласился. Казалось бы, что на этом можно было поставить точку. Но нет. Он опять встретился с Пашковым, вновь перечитал рукопись, сделал свои пометки и дал рекомендации по размещению стихов, чтобы они сочетались между собой. Книга вышла весной 1969 года, и автор смог подарить ее папе.

Пашков, уже после ухода папы из жизни, продолжал учиться у своего мастера, а став секретарем смоленского отделения, Юрий Васильевич использовал его обширный архив. Например, в работе с пишущими.

В одной из статей Юрий Васильевич приводит слова из заметки московского поэта Александра Боброва: «Рыленков был классиком русской поэзии, другом и учителем многих замечательных провинциальных поэтов». Юрий Васильевич сам так подтверждает эту мысль: «Во многих краях России (и не только России!) живут давно уже поседевшие поэты, которые с гордостью называют себя учениками Рыленкова. ... Долгие годы ры-

ленковский кабинет был литературной мастерской, поэтическим классом, открытым для всех, кто готов был брать уроки».

Изучая еще довоенную литературную жизнь Смоленска, Пашков обращает внимание, что среди всех, кто тогда печатался в периодической печати, уже тогда рыленковские строки по художественным достоинствам «выделялись из общего ряда». Но что еще важно для понимания личности Рыленкова – «он был неподатлив для всякого рода кампаний и дат». Хотя и редко были отклики на значительные события, но он их делал «фактом поэзии, а не публицистики».

Прозаик Нина Семенова

После окончания МГУ стала учительствовать в глухой деревушке; чтобы добраться до нее, приходилось идти пешком 28 километров. Склонность к литературному творчеству, по-видимому, проявилась у нее в университетские годы. Но, попав в деревню, где круг общения был очень узок и о литературе по-настоящему говорить было не с кем, а тем более показывать свои первые пробы пера, она решается послать в Смоленск в Союз писателей три очень небольших рассказика. И получила быстрый, очень короткий ответ-приглашение: «Ваши рассказы понравились. Будете в Смоленске, зайдите». Обрадовалась и зашла. Но сначала Рыленков ее огорчил, т.к. сказал, что она «пишет не думая, а как напишется, а надо думать», увлекается красивыми образами. Похвалил, что чувствует хорошо природу (это он очень ценил) и у нее хороший народный язык (не любил так называемый псевдонародный). А еще напомнил Нине Артемовне, что литература требует очень серьезного отношения к делу. Через месяц неожиданно позвонил сам в школу и предложил Семеновой поехать на Всероссийское совещание молодых прозаиков в Ленинград. Это ей-то, имеющей всего несколько рассказов и ни одной книги!

Семенова была далеко не робкого десятка, но тут испугалась, стала отказываться. Но папа, сразу почувствовавший в ней талант прозаика, сказал, что дело не в количестве написанного, а в его качестве, и побывать на таком совещании ей будет очень полезно. Думаю, что вряд ли кто-либо из секретарей союза писателей в областях решился бы на такой поступок. А он поверил в нее. И поверил настолько, что когда в Смоленск приехал зав. отделом художественной литературы издательства «Московский рабочий» Николай Далада с заданием написать о Смоленской писательской организации и попросил рассказать папу о ее членах, то среди других он назвал Семенову. Далада побывал в библиотеке, издательстве, узнал обо всех, видел книги, но никто ничего не знал ни о Семеновой, ни о ее книгах. Стал выяснять у папы, кто такая Семенова, что о ней ничего не известно. А папа ответил: «Вот в этом и дело. Писать надо о тех, кого еще не знают». И показал Даладе написанные от руки три маленьких рассказика. Семенова узнала об этом эпизоде только на похоронах папы – об этом ей рассказал сам Далада.

Рассказ «Танька», опубликованный в журнале «Огонек», вызвал поток писем читателей.

В 1966 году в издательстве «Московский рабочий» вышла книжечка избранных рассказов Н. Семеновой с удивительным названием «Мояника». Папа откликнулся на ее появление статьей, в которой он точно определил особенный талант молодого прозаика, – поиск чудесного в обыкновенном. Она была опубликована в еженедельнике «Литературная Россия» в сентябре 1966 года.

По рекомендации Рыленкова Нина Семенова побывала и на курсах сценаристов. Казалось бы, зачем ей это, но Рыленков был уверен – пригодится. Действительно, в Белоруссии сняли фильм по ее рассказу. Пьеса «Печка на колесе» шла не только по всей стране в 104 театрах, в том числе в Москве, но и за рубежом, например в Японии.

Книги ее издавались во многих столичных издательствах («Советский писатель», «Современник»). А все начиналось с трех маленьких, далеко не совершенных рассказиков, в которых папа увидел нестандартное, яркое и чисто русское дарование молоденькой учительницы и сделал все, чтобы оно могло развиваться. Семенова стала действительно настоящим писателем.

Нина Артемовна оставила воспоминания «Мой учитель». Вот как она писала о Рыленкове человеке и руководителе.

«Николай Иванович Рыленков был для нас, смоленских литераторов, не только образцом большого писателя-труженика, но и примером в жизни, в быту, в отношениях к своим товарищам по перу. И все это при необыкновенной, какой-то «несовременной» скромности. Он учил нас не гоняться за быстрой славой, не торопиться печататься, а работать и работать. Кое-кому это не нравилось. Я же всем сердцем впитывала советы Рыленкова. Особенно запали мне в душу его слова в защиту, да, именно в защиту русского языка. «Язык – это наш плуг. Мы им пашем». <...>

На литературных вечерах, которые регулярно проводились при Николае Ивановиче, его горячее строгое слово заставляло молодых поэтов и прозаиков по-серьезному задумываться над своими опытами. А после «четвергов» мы с Верой Андреевной Звездаевой обыкновенно провожали Николая Ивановича до дому. Это была настоящая «академия на ходу». Боже, чего только не рассказывал нам Николай Иванович! Чего он только не знал! Постукивая суковатой палкой по тротуару, со страстным увлечением читал нам стихи своих любимых поэтов: Бунина, Есенина, Цветаевой, Всеволода Рождественского, Ахматовой, Луговского. <...>

К нам в гости приехали писатели – соседи из Калинина. В клубе ВТО был устроен литературный вечер. Выступали смоленские и калининские поэты, читали свои стихи. Попросили прочитать что-нибудь Рыленкова. Он встал и прочел Пастернака. <...> Уже в конце вечера Николай Иванович присел прямо на ступеньки эстрады. Молодежь тот час же окружила его. Я по своему обыкновению стала поддразнивать его: «Пастернака-то вы, конечно, знаете, а вот стихи молодых смоленских поэтов не знаете. И тут он, к удивлению всех нас, начал читать стихи, опубликованные в последнее время в областных газетах «Рабочий путь» и «Смена». Стихи молодых, тут же присутствующих поэтов Алексея Мишина, Маргариты Турчинской, Владимира Клочкова. Прочел и стал разбирать их прямо по строчкам, отмечая все хорошее и все плохое. Это был очень требовательный, доброжелательный и поучительный разбор».

Раиса Ипатова

Она принадлежала к послевоенному поколению поэтов, которые так или иначе успели соприкоснуться с личностью Рыленкова и испытать его влияние на их становление. Побывала – еще подростком на литературных четвергах.

В прошлом уже, XX веке был небольшой период, получивший название «оттепель». Название образное и точное, предполагает потепление после холодов, но временное,

короткое. Это не настоящее тепло и за ним опять зима. Так и случилось. Время это получило название по одноименной повести И. Эренбурга. Стало «легче дышать», но далеко не так свободно, как ожидалось. Появилось много нового в литературе, связанного и со старыми именами, и с новыми творцами. Оттепель пришлась на зрелые годы папы и вызвала невиданный подъем творчества, восхождение к новым вершинам, продолжавшееся до конца жизни.

С оттепелью, а точнее ее окончанием, связана и литературная юность Ипатовой. Это сказалось на ее творчестве – более свободном, без политических штампов, идущем от души. Занималась в литературной творческой студии, организованной в педагогическом институте В.С. Баевским и литературном объединении «Радуга». Оттепель заканчивалась, но еще не наступили морозы. Первое стихотворение опубликовала в 17 лет. Баевский считал, что талантливую молодежь литературной студии можно представить всесоюзному читателю. Вадим Соломонович обратился в издательство «Молодая гвардия» с просьбой издать сборник стихов своих подопечных. А поскольку в издательство поступали аналогичные просьбы, то было решено выпустить сборник стихов молодых авторов – участников литературных объединений нескольких городов. И каждый цикл должен представить маститый поэт. В Смоленске это мог быть только Рыленков, что и послужило поводом для их личного знакомства. Баевский отобрал около сорока стихотворений четырнадцати авторов, и уже через два дня состоялся разговор. Такая быстрота реакции на стихи, такая заинтересованность в творчестве молодежи известного поэта была весьма неожиданной для Вадима Соломоновича, и, главное, его обрадовала высокая оценка стихов его питомцев. Это было так необычно в среде известных литераторов. Папа предложил представить всех авторов, но дать не все стихи, а только самые лучшие, чтобы смоляне в нем выглядели не хуже других. Каждый представил свой список. На три четверти мнения сошлись. Легко договорились об остальных. Как вспоминал Баевский, он и не пытался оспаривать мнение папы, т.к. понимал, что Рыленков судит объективнее и обладает отличным литературным вкусом. Сборник «Тропинка на Парнас» вышел уже после ухода папы из жизни, и Вадим Соломонович еще раз убедился в правильности его отбора стихов.

Но особенно удивило и восхитило Баевского то, что Рыленков обладал предельной широтой взгляда (что почти не встречалось у крупных поэтов) и предложил в сборник произведения менее традиционные и более самобытные, не похожие на стихи так называемой «смоленской школы». Папа понимал и от души приветствовал, что молодежь предпочитала торить свои собственные тропинки и дорожки. Из тогдашних учеников Баевского не все выбрали поэтическую стезю, а из тех, кто избрал ее, наиболее талантливой оказалась Раиса Ипатова.

Настроения оттепели еще жили в умах и сердцах многих. И когда в апреле 1968 года устраивали вечер, посвященный 50-летию комсомола, молодые поэты и критики договорились не делать из него очередное официальное мероприятие, обойтись без юбилейной риторики, не использовать политические штампы, а быть предельно искренними и честными как в читаемых стихах, так и в разговорах о литературе. Стандартное мероприятие превратилось в искренний человеческий разговор друзей и единомышленников. Конечно, такой вечер, а он проходил в театре, не мог не затронуть чувств присутствующих и одновременно с его успехом у молодежи вызвал негодование властей – в это время на борьбу за свободу поднялся народ Чехословакии (Пражская вес-

на). Они испугались свободолюбия молодых литераторов, возмутило их вольнодумство, и это надо было срочно искоренить.

Всех участников вечера изощренно наказали. Способов расправы было равно числу его участников. Ипатова получила свою долю порки. В газете «Смена» от 24 августа 1968 года всю первую полосу занимали материалы ТАСС о введении войск содружества в Чехословакию, а всю четвертую – статья за подписью Н. Полякова «Миссия поэта. Заметки о стихах Раисы Ипатовой». К этому времени Раисе Александровне едва исполнилось 20 лет. Какую же изобретательность надо было проявить «критику», чтобы занять всю полосу газеты нападками на стихи человека, только вступившего на литературную стезю, не имевшую поэтических сборников, но показавшую неординарные способности к поэтическому творчеству. Впрочем, критик ничего не изобретал, а просто занимался, как всегда, демагогией. Статья отличалась полным непрофессионализмом ее автора, безграмотностью, тенденциозностью, навешиванием политических ярлыков, уличала Ипатову во многих грехах, в том числе отсутствии ясного мировоззрения, совершенно нелепыми и невнятными риторическими вопросами.

Баевский написал статью в защиту Ипатовой и отнес ее в «Смену» главному редактору. Тот пообещал напечатать, но не сделал этого. Вадим Соломонович обращается к папе, которого тоже возмутила статья с нападками в стиле худших времен культа личности. Зная, что все исходило от недремлющего партийного ока местных властей, папа передал статью в московский еженедельник «Литературная Россия» главному редактору Поздняеву (где сам был членом редколлегии) с настоятельной просьбой ее опубликовать. И она там появилась в начале января 1969 года. Как будто все стало на свои места. Смоленская газета не посмела возражать российской. Ипатовой заступничество папы и Баевского принесло большое моральное удовлетворение (она говорила мне об этом неоднократно), но практически мало помогло – около 3,5 лет власти не пропускали в печать ни одной ее строчки. Но Ипатова оказалась стойкой и не опустила руки, не бросила творчество и сумела стать настоящей творческой личностью – хорошей поэтессой и журналистом. Что касается критика. Возможно, что ему заказали статью такого характера. Но это никак не освобождает его от ответственности за написанное. Но я склонна думать, что он сам жаждал проявить себя как «ценителя» поэзии и «вершителя» судьбы поэта. Вот только как и кем он показал себя?

В маминых записках упоминается долгая эпопея с доносами на папу в самые разные инстанции – партийные, писательские, газету «Комсомольская правда» одного из молодых поэтов, но не указана его фамилия. А это был тот самый Н. Поляков, ополчившийся на юную Ипатову. К этому времени он уже был не начинающим поэтом, а достаточно зрелым человеком. И, несмотря на свои амбиции, не слишком преуспевшим на поэтической стезе, но приобрел известность своими кляузами с политическим оттенком. Это была весьма одиозная фигура, эмоционально неуравновешенная, но весьма ловко этим пользовавшаяся. Не усвоив азов истинной человеческой культуры, он вообразил, что может судить о творчестве других не на основе глубокого понимания сути его, а используя демагогические рассуждения, в которых невозможно найти смысла, не говоря уже о стиле изложения.

Вот образец его критики стихотворения (не Ипатовой, а известного поэта) «В живительной струе березового сока»:

«А откуда он? Надо думать его получают не от коровы! Видимо, подсекают березу! От коровы даже если б она была, скажем, белой, березового сока не получишь... «Кто

вкус его постиг, тот не пропустит срока губами к роднику весны своей припасть...». К «роднику весны» – вот это расплывчатое «К роднику весны», на мой читательский взгляд, не спасает положение – ни как образ, если это можно счесть за образ, ни как обобщающая сила. Может, я глубоко неправ, но чтобы постигнувшему вкус березового сока вновь «припасть» к соку губами, для этого опять-таки надо подрубить под белый корень березу белую... Так, или не так? ... Коэффициент полезного действия этого стихотворения мне представляется наименьшим из всех возможных». Таков вердикт Н. Полякова.

Вера Андреевна Звездаева

25 лет ее жизни прошли на глазах у Рыленкова – от сотрудницы «Рабочего пути», где какое-то время он работал зав отделом культуры, начинающей писательницы и до сложившегося прозаика, много и успешно работавшей по истории и культуре родного Смоленска. Испытав огромное влияние личности Рыленкова, она написала о нем книгу, где воспоминания сменяются обращением к его стихам, прозе, статьям. Книга создает, может быть, и не совсем полный, но живой и яркий портрет человека, вся жизнь которого была посвящена служению литературе.

Я думаю, что Вера Андреевна сумела понять духовную сущность папы – скромную, но необычайно интересную личность, одновременно нашего современника и человека XIX столетия, а скорее даже эпохи Возрождения.

Мне было 32 года, когда папы не стало. Но до сих пор не могу даже приблизительно понять, как могла сформироваться такая удивительно гармоничная личность в той во многом трагичной эпохе.

Впервые Звездаева увидела Рыленкова будучи ученицей в школе № 3 по Советской улице. В этой же школе, но несколько ранее, мама студенткой проходила педагогическую практику.

Вера Андреевна пишет в книге – к поэзии мы абсолютно глухи. Мы не слышали не то что о Рыленкове, а и Пушкина не читали и не стремились читать, и все-таки та встреча зацепилась в памяти. Николай Иванович ни тоном, ни взглядом, ни словечком не сделал ничего на потребу нашего неразвитого эстетического чувства. Думаю, что мы скорее почувствовали тогда сердцем эту черту его характера, чем поняли умом. Теперь, прожив жизнь, много лет проработав в издательстве, что позволило видеть Н.И. Рыленкова ежедневно, говорить с ним, брать от него все, что тебе по силам, тянуться за ним так, что хребет трещал, – теперь я скажу он всегда делал то, что считал своим долгом. Понимаешь: он выбрал свой путь смолоду. И ни разу не изменил себе, не отступился от главного в себе.

Каждое из центральных издательств в последние годы его жизни считало за честь дать дорогу рыленковскому сборнику.

С трибуны одного из съездов писателей Российской федерации М. Дудин шутил по этому поводу: «Только Рыленкову при жизни удалось издаться в Гослитиздате». Ни на мгновение не закружилась от похвал голова».

Лично они познакомились в редакции «Рабочего пути», куда он часто заходил по разным делам, а потом Н.С. Новиков и Д.М. Попов уговорили его стать завотделом культуры на общественных началах. И хотя он заходил в редакцию на 2-3 часа, как пишет Звездаева, «каждый раз он одарит нас чем-то таким, о чем мы и понятия до сих пор не име-

ли. Любая самая короткая встреча с Николаем Ивановичем — это обогащение, толчок мысли. Это такое состояние, когда голова идет кругом как от того, что тебе внове, так и от вывода, как же, оказывается, ты ничтожно мало успел, имеешь за душой.

Тех пор я запомнила не первый и не последний урок Николая Ивановича — кто бы ты ни был, какое бы ни делал дело на земле, ты обязан быть интересным для другого человека. ... Знать настолько, чтобы другому с тобой не было муторно — это в возможностях каждого. Только читай, учись, побольше размышляй, не прописывай себе самодовольство. Давал невольные уроки доброжелательства к чужому материалу, к написанному другим человеком.

Если мерить жизнь по числу встреченных самобытных, интересных людей, могу счесть себя наисчастливейшим человеком. Из всех Николаю Ивановичу Рыленкову обязана колоссально многим. Он упорно, намеренно, не замечая моих глупо-фрондерских заявлений, воспитывал меня — упорно ставил мне, да и только ли мне одной, тот слух ума, сердца, который помогает отличить высокую поэзию от холодной подделки литературного ремесленника. ... Нет, никого он из нас и никогда прямолинейно не воспитывал. Если и учил, то стихами. Подымал, утешал, советовал, объяснял жизнь — стихами».

Я хорошо запомнила, как страшно переживала Вера Андреевна приближающееся сороколетие. Ей казалось, что все в прошлом, жизнь теряет смысл и почему-то решила, что ей надо устроить юбилей, настаивала на этом. В то время о юбилеях по поводу такой даты никто даже и не помышлял. Папа деликатно и настойчиво объяснил ей, что 40 лет это не юбилейная дата, а время зрелости, расцвета жизни. Успокоить Веру Андреевну было очень непросто, и папа применил «метод лечения поэзией». Вот как писала об этом Звездаева: «В такую для меня полосу, когда приближающееся сорокалетие пугало до невозможности, ... мудрый ведун Николай Иванович среди великого множесства стихов прочитал мне и это: «Скоро уже из ласточек в колдуньи/ Молодость! Простимся накануне./ Постоим с тобою на ветру./ Смуглая моя/ Утешь сестру!» Стихи Марины Цветаевой — совершенно новое тогда для меня имя — удивили тем, что это же твое, только просветленное, и ты вот так чувствуешь. Потрясло и тем, чего до этого ты не имел в себе. Для меня ни с чем не сравнимый подарок заключен в последних строках: «Молодость моя! – Иди к другим».

Вера Андреевна вспоминает послевоенные «четверги», их атмосферу в связи с обсуждением своей первой повести «Грачи прилетели». Повесть давалась ей трудно, писалась довольно долго по разным причинам, в том числе недостаточным знанием ею деревенской жизни, ее языка. В одном из писем папе К. Коничев (писатель-прозаик, приятель папы с довоенного времени) просил его помочь Звездаевой, чтобы наконец «взлетели ее грачи».

Вера Андреевна вспоминает: «Чуть ли не еженедельно у нас устраивались литературные «четверги». Мысленно оглянувшись назад, видишь – мы все очень изменились. Об уровне нас тогдашних, нашего стиля обсуждения сразу после войны можно судить по тому, что при разборе первой хроменькой, но именно потому особенно дорогой для меня, книжечки мне многозначительно советовали не давать героине фамилию Солнцева. Почему? Потому что это очень близко якобы к фамилии автора. Вдруг кто-то подумает, что пишу о себе?!

Мы, бывало, кипим, обижаем друг дружку, ниспровергаем чужие кумиры и тщимся возвеличить свои. Мы спорим до хрипоты, ругаемся. Когда накал достигает предела, встает Николай Иванович, какая-нибудь шутка, байка к месту. Чаще же опять-таки стихи. ... И мы — это самое главное — вместе с главой нашего смоленского писательского

«правительства» начинаем судить обо всем с точки зрения, как любил говорить Николай Иванович, великой русской литературы».

Все, кто знали папу, отмечали его необыкновенную порядочность, ту черту характера, которая во все времена облегчала людям жизнь. Об этом тоже говорит Вера Андреевна: «От Николая Ивановича исходила атмосфера порядочности, которая, к сожалению, не так уж часта в местных писательских организациях, но в смоленской была отмечена буквально всеми. А ведь он возглавлял нашу организацию без малого двадцать восемь лет. Рыленков был порядочен во всем, начиная, казалось бы, с мелочей! Вообще никогда не домогался благ. Заступался за нас, не вымеряя заранее, не повредит ли ему самому такое заступничество. Поэтому не было в нашей организации никаких микрогруппировок. Никаких подсиживаний. В разное время затесывались к нам самые разные люди, но слишком уж рьяные любители мутить воду у нас не приживались. Рискну даже сказать: «Те, кто не застал Рыленкова, не испытал его мощного нравственного влияния, потеряли многое и многое.

Николай Иванович при всем при этом был отнюдь не идеален. Возможно, в чем-то проявлял излишнюю мягкость. Если человек ему импонировал, может, и чаще, чем надо закрывал глаза на его недостатки. Не отважусь, например, даже просто назвать тот свой рассказ, по поводу которого он сказал: «Вот как надо писать». Но вот чем обладал он в высшей степени, так это качеством, называемым старинным словом обязательность. ... Надо думать, немало нервов стоили ему иные раздутые самолюбия, нескончаемые просьбы. И эта естественная, внутренняя, ничем не колеблемая обязательность в человеке, которому писательский билет подписал сам Горький. ...

Николай Иванович был в высшей степени деликатен. Но еще — сочувствующий, внимательный к чувствам других».

Писатели вместе с папой много выступали перед читателями. Обычно их приглашали в учебные заведения, библиотеки, клубы, как в самом Смоленске, так и из районов. Вера Андреевна вспоминала о поездке в Ельню — для нее очень памятной и дорогой.

Она действительно была и удивительной, и, в то же время, характерной.

Приглашение приехать поступило, что не было принято тогда, от самого главы района — предрика Н.И. Москвина. Он был однополчанином Веры Андреевны, партизанским комбригом соединения «Тринадцать». Приехавших поздним вечером гостей он сам встретил на вокзале, председательствовал на встречах с ельнинцами и представлял каждого писателя. А потом вся группа была его гостями, где продолжался литературный вечер — два Николая Ивановича — Москвин и Рыленков поочередно прочли очень много стихов как известных гостям, так и нет. Я думаю, что это был редчайший случай такого знания поэзии человеком очень далеким по роду занятий от нее, и это, безусловно, произвело впечатление на писателей. Очень интересно, как использовал папа время поездки. Я бы назвала это «уплотнением времени». По дороге в Ельню папа, как это он нередко делал, учиняет «экзамен» на знание авторов стихов. Он читал стихи очень хороших, но мало известных тогда поэтов и после каждого взглядом спрашивал — чьи? И как часто бывало — слушатели попадали впросак. Перед отъездом из Ельни, хотя они не спали ночь, снова папа читает стихи. А затем высказал свое мнение о каждом из присутствующих и что ждет от них, исходя из реальных возможностей. Сумел сказать то, что могло поддержать их долгие годы.

Самую дорогую похвалу себе Вера Андреевна узнала уже после ухода папы, когда на юбилее (60 лет) ей зачитали рекомендацию его при вступлении в члены Союза писа-

телей: «Герои ее произведений – беспокойные, ищущие, не довольствующиеся малым люди. Показывая формирование их характеров, она не облегчает их движения, не убирает с пути трудности». И как пишет Вера Андреевна: «Это же всю жизнь надо тянуться, чтобы оправдать его слова хоть в малой степени».

Вера Андреевна с горечью отмечает: «Ах как много потеряно оттого, что мы не записывали за ним хотя бы главное... Поражаешься тому, как много он успел сделать, как все сделано на совесть, на годы. Мы об том только догадывались, а его семья знает доподлинно, что Николай Иванович не позволял ни выходных, ни праздников, ни отпусков».

Своеобразно показала Вера Андреевна глубину духовного мира папы, на собственном примере. Она пишет: «Как-то наша областная газета «Рабочий путь» попросила меня написать статью к юбилею одного из классиков. Сроку мне дали не то два, не то три дня. Кипя негодованием на столь малый срок, я кинулась к Николаю Ивановичу за поддержкой. Каково же было мое удивление, а потом стыд, когда он достаточно мягко, но тем не менее выдал мне по первое число. Суть его слов была в следующем. Любой уважающий себя человек должен стремиться знать как можно больше не по случаю, не по поводу, а для себя, чтобы иметь обо всем собственное суждение. Тогда и два дня – немалый срок.

Сам Николай Иванович со школьной скамьи сознательно, целеустремленно образовывал себя, имел на все свой взгляд, поэтому для него не могло существовать сроков. Поэтому такие нерасхожие слова он находил, так по-своему умел сказать и о том, о чем премного уже сказано и написано».

В стихотворении «Наше ремесло» есть такие сроки:

Но ведь ремесло поэта – подвиг,
Ставший бытом, чтоб возвысить быт.

И я думаю, что его работа секретарем смоленского отделения была, несомненно, подвигом, если знать, как он ее делал. Невозможно представить, что он мог бы сделать, если даже будучи тяжело больным, продолжал писать. После ухода А.А. Ахматовой он писал, что ее поэзия оставалась молодой до конца. Это же можно отнести к нему самому.

Но он был таковым, каким сотворила его природа и каким воспитал себя сам.

В стихотворении «Люблю Москву...» папа так пишет о себе: «И так хотел бы жить среди людей,/ Чтоб и по мне судили о Смоленске». Действительно, Смоленск второй половины XX века у многих ассоциировался с Рыленковым. В газете «Московская правда» за май 1959 года опубликован дружеский шарж на него и стихи:

Цветут луга, идут года,
Звенят стихи в краю смоленском.
И даже странно иногда,
Что не зовут Смоленск Рыленском.
(стихи Дмоховского, рисунок Арцибушева)

Многие письма читателей адресовались просто: «Смоленск. Писателю (поэту) Н. Рыленкову)». Но удивительнее оказалось то, что его стихи о природе, по мнению иностранцев, олицетворяли Россию. На центральном телевидении в СССР существовал цикл

передач «Советский Союз глазами зарубежных гостей». Там задавали простые вопросы, среди которых были и такие: «Что запомнилось? Понравилось? Обратили внимание?»

Туристка из Доминиканской республики, студентка-филолог Каталина де Пенья сказала – о России можно говорить только стихами. И прочла по-русски папино стихотворение «Все в тающей дымке». И в этом великое чудо поэзии.

И еще очень хорошо, что он все-таки смог сделать так много и так качественно в творчестве, сумел помочь молодым талантам проявить себя. И может быть, то плохое, что ему пришлось пережить, послужило толчком к созданию его замечательных философских стихов-раздумий.

В журнале «Книжное обозрение» за 1968 год в рубрике «Литературный портрет» Л. Чечнева пишет: «Во всех сборниках стихов, книгах повестей и рассказов, статьях «прорисовывается» облик человека, духовная жизнь которого равна высшей нравственности и совести времени, любви ко всему прекрасному, что есть на земле».

А сам Рыленков писал: «Мне хочется верить, что лишение радости приобщения к искусству когда-нибудь станет самым страшным наказанием для человека».